

Беседа • I

Человек, идя свой земной день, не может сравнением постичь сознания иного плана.

Ибо все его сравнения лежат в условностях плотных тел. Высшее же сознание, освобожденное от этих условностей, имеет ограничение лишь в самом себе. Ограничения человека Земли имеют в себе не только те формы из дерева, камня, железа, которые не может пройти его тело. Но человек имеет и ограничение страстями.

Без забот о пути человек не может своим телом проникнуть через плотные перегородки во внутреннее помещение жилищ своих встречных. Но раскрытая с разрешения дверь убирает все препятствия — он входит легко и просто. Как же обстоит дело у человека с проникновением в храм встречного — в его сердце? Только сам человек силою своей любви и чистоты может проникнуть своей любовью к любви встречного. И никакое разрешение не сольет его с мыслью, радостью и скорбью встречного. Только его собственное осознание себя единым со встречным может помочь ему встать не в положение зрителя и судьи, а друга и помощника.

«Не судите друг друга» — то стоит у всех перед глазами; то понимает каждый умом. Но только тот, кто сердцем устремится к радости или скорби встречного, тот выполнит этот завет.

А, между тем, первый признак начала освобождения, начала активной жизни в единении есть сила видеть в ближнем осколок Единого, не подлежащий твоему суждению, но прикипать к которому чистотой твоей — вот назначение каждой встречи.

Нет оснований думать, что если ты восходишь к совершенству, то тебе необходимы особые условия. Нет особых условий, ибо каждому даны его условия; а сле-

довательно, они так индивидуально неповторимы, как только могли Владыки Карм разбить оковы вековые человека. Все усилия Светлого Братства сводятся к принятию каждого в костер своей любви. Великое их милосердие разбивает молотом любви перегородки человеческих предрассудков и условностей, что каждый себе соткал. Они пронесят зрение человека через века его дел и оставляют в нем такие следы, по которым его новая жизнь стремится пробиться через препятствия дня. И только поэтому то, что одному легко и просто, другому — мука. То, чем один заполнен в своем духе и красоте, — другому кажется бездельем.

Прочсть в сердце встречного его муку или радость можно только тогда, когда в тебе самом спокойное стремление дало силу духу. Если же в тебе шумит хотя бы ручей страстей, привлечь свое внимание к другой жизни почти невозможно.

Можно ли при этих условиях стать учеником? Как может человек принести не искривленной хотя бы одну мысль Учителя на Землю, если в нем царит не звон освобожденного сердца, а боль и неудовлетворение, борьба с самим собой?

Снимая с себя пустоту себялюбия и переключаясь на основу общего блага, человек ощущает радость от освобожденного в себе огромного кольца света, в котором сгоревшие страсти исчезли. Но свет этот не отгородил его стеною от общения с живым кольцом людей; он притянул к себе это живое кольцо, и переключилась мысль каждого на более тонкую и чистую материю духа в ауре. Ибо тот, кто мог удержаться в кольце твоего света, непременно сжег в нем хотя бы малую свою условность. Рассчитать логические ходы воспитания, как именно перенести свет на встречного, — невозможно. Ибо в делах духа логика одна для всех — Любовь. И сколько бы ты

ни искал оправдания своему не особенно высокому поведению, не вышедшему из колец осуждения встречного, сколько бы ты ни говорил себе, что те, к кому ты пришел, еще низменны, еще полуживотны, ты знаешь, что сам ты входил к ним, не свет Учителя неся, а личность свою.

И не может человек сдвинуться с места, пока не научится разбирать перегородки в себе, чтобы условность и предрассудок встречного, не найдя опоры в тебе, осыпались сухою шелухой.

Живя в современном тебе обществе, где ты видишь весь недостаток воспитанности, что должен нести в себе ты, если хочешь научиться привлекать свое внимание к творчеству а не к суете внешнего людей? Освобожденным от внешнего должен быть ты сам. Внешнее не должно ударять тебя по твоим больным местам, ибо во всем твоём сознании живут только сила, энергия, решимость сердца, и тебе нечем воспринять мелочь и бунт страстей.

Страсти коварства и искательства, жажда утопить тебя и пролезть выше самому — все трогает тебя лишь постольку, поскольку твое сознание работает в освещении условности времени, а не в верности вечному труду Учителя.

Ты хочешь соединить чистую жизнь духа и требования условностей Земли. Но цель твоя?

Видишь ли ты в кольце твоих препятствий только способ твоего роста? Или ты стремишься их победить, чтобы семья твоя была сыта, чтобы жизнь твоего дня стала веселее и легче, благодаря условному пониманию удовольствий Земли? Чтобы отделиться от общения с массой людей, закрыть ход к твоим удобствам соседу?

Нет такого пути ученику. Ученик — это звено единения. На нем, через него старается пролить свет сознание Высшее, освобожденное. И только тот, кто это понял, может войти в группу учеников — двигателей мира в мир.

Беседа • 2

Трогательна беспомощность младенца и вызывает самое мужественное опекаание своих близких, если в их сердцах живет милосердие. Так и ученик. Трогательна его беспомощность Учителю, и Он, видя верность ученика нерушимой, льет ему свою помощь и милосердие без условностей и ограничений со своей стороны. И только ограничения самого ученика, выстроенные его колебаниями, нецельностью его мыслей, неуверенностью его, останавливают ученика перед Золотыми Вратами, то есть перед порогом знания. Ибо знание вытекает из освобожденных мест в сознании. Оно вырастает на гармонично звучащих волнах его действий.

Можно ли, живя на Земле, в суете огней и страстей человеческих, стать учеником? Быть может, надо где-то в особо чистых условиях сделаться учеником и потом вернуться к своим ближним, став им поддержкой и помощью? Нет. Никто не может стать закаленным вне своих условий и препятствий. И все условия и препятствия пойдут за человеком, если ему их необходимо победить, куда бы он ни ушел. Рассматривать период ученичества как подготовку к деятельности — такой же предрассудок, как думать, что человеку может повредить чистый воздух и солнце.

Нет условного обучения. Единственное условие, на котором растет всякое ученичество, — это гармония сил в человеке. Не следует думать, что ученичество начинается с того момента, когда Учитель дает ученику весть. Ученичество могло начаться еще за два воплощения, но отсутствие гармонии в ученике не дало возможности развить память о нем. И не отношение Учителя к ученику — мерило восхождения, а отношение ученика к окружающим и его к ним милосердие.

Утвердившись в мысли, что все — в себе, распознавая реальное и временное, человек строит первоначальную ступень к свиданию с Учителем.

Заставляя свое внимание всецело прикрепляться к совершающемуся «сейчас», ученик развивает бдительность. Но когда он ее развивает? Если приказом воли он концентрирует свое внимание — он способствует только более широкому развитию личности. Если же он скрещивает свое милосердие со вниманием и без всяких приказаний себе вглядывается, кто и что перед ним, — он забыл о себе; он прошел, минуя план страстей, в план духовного общения, хотя бы стоящий перед ним плакал и нес в себе бунт своих страстей.

Как будет общаться с ближними человек, не знающий орбиты действий Учителя? Видя горе, слыша стоны и жалобы, он будет тоже плакать, усилиями своих слез сочувствия прорубая еще больше дыр в его и своей ауре. И своим волнением он проведет встречного еще глубже в план страстей. Ученик же, постигший всегда светлое мужество Учителя, обратит всю силу своей мольбы к Учителю. Все мужество его будет призывать в храм своего сердца, и, оставаясь в гармонии, он сможет помочь рыдающему встречному войти в свой центр силы, в свой заветный храм в себе — Любовь. И тогда, с каким бы бунтом страстей ни пришел встречный, он сбросит с себя хотя бы часть своего уныния и найдет силы прожить какое-то мгновение в относительном успокоении.

Если же он не смог подле тебя обрести просветления и, уйдя, жаловался еще и на тебя, возмущался, негодовал на твое бессердечие, значит он еще слишком далек от истинного понимания единения. Ему еще предстоит долго носить страстные покровы, и тебе, отдав ему весь мир своей гармонии, не стоит огорчаться неудачной встре-

чей, а еще глубже закалить мужество и еще чище сойти в Учительской любви к следующей встрече.

Можно ли «отказаться» от активного действия, от встречи? Нет встреч случайных. И если ты в своем обиходе не нуждался бы во встрече, даже с вороватым слугою, ты не имел бы ее. Но не надо в мелочах обихода видеть знамение небес. Нельзя усматривать в мелких удачах и неудачах какие-то основания для глубоких своих действий. Ибо так дойдешь до суеверия, и оно вновь создаст пелену условностей и заведет тебя в тот лабиринт, из которого ты уже однажды выбрался.

Надо свои действия в дне так подпирать радостью единения с Учителем и окружающими, чтобы мелочь обихода не вплеталась суеверием в действия твои. Стоит ли видеть «предначертания» в том, что пуговица твоих туфель, оборвавшись, задержала тебя и ты опоздал на поезд, благополучно прибыв на следующем, и утруждать себя пустыми вопросами, зачем это доктор не смог меня принять сегодня? Зачем это я пришел случайно в чужой дом — все это праздное суеверие, неумелое распределение своих сил между временным и реальным, между условным и вечно движущимся в двух мирах.

Если бы ты видел в мелочи простое привлечение твоего внимания к легкости и ловкости через тебя и в тебе веселого и радостного состояния, где бы мысль о раздражении или суеверии не могла иметь места, то ты бы всюду нес в себе верность и уверенность.

Если бы основа в твоём храме была цельною, а не двоялась постоянно в колебании между истинною Жизнью и обывательскими пониманиями, твоей голове не угрожало бы наводнение от пустого разбора мелочей.

Путаница в человеке от сумбура всех не доведенных до конца мыслей — хуже метели и гололедицы. В сознании, привыкшем постоянно считать, что опека над

ним идет извне, а не все, что и чем он опекается, внутри него, — предрассудок, победимый не менее тяжело, чем разъедающий тело микроб.

Тот, кто хочет войти в ученичество, прежде всего, борись с предрассудком суеверия, ибо он — одна из заноз, на которой прочно держится страх.

Беседа • 3

Разнообразны тропы людей, ведущие к постижению Истины в себе. Труден путь всех, видящих вокруг страдания, но не понимающих их смысла и цели.

«Слепому» человеку, привыкшему понимать жизнь серого дня как цель или как средство достижения внешнего блеска и карьеры, все, приносящее страдание и беспокойство, понимается как простое вмешательство чужой враждебной воли, которое надо победить натиском своей силы.

Мысль же о том, что встречи человека с встающими в дне на его пути препятствиями — его собственное творчество, никогда не приходит ему в голову. Мнение человека о своем встречном так низменно, что он всегда думает обмануть его бдительность. Ему кажется таким легким и даже признаком хорошего тона — обдать встречного улыбкой и вопросом о его здоровье, а в себе скрыть враждебное раздражение и досаду на несвоевременную встречу. Ему кажется, что он так глубоко скрыл свое лицемерие и коварство, что никто и никогда не прочтет его истинных, живущих в сердце и мысли сил.

Но об ауре он или совсем не слышал, или совсем не понял. Ведь основа его собственных сил — только он сам. Творец своего счастья или несчастья — он сам, и никто и ничто другое.

Цвета ауры вероломного человека — исключительно оранжево-коричневые, переходящие в грязно-серо-зеле-

ные. Среди них пробегают молнии багрового цвета, и в некоторых местах ауры висят опухоли из шевелящихся ужасных уродливых тел, коль мысли человека помогли их жизни. Убийственен вид элегантного, по последней моде одетого человека, если его лицемерие и двойственность разъели его ауру, если в храме его сердца данный ему талисман его счастья, его осколок Единого, не горит более, а лежит мертвым камнем.

Человеку, сумевшему потушить в своем храме даже искру Света, — нет пути дальше в человеческом образе. Он отдал свою духовную мощь зверям астрального плана, и в их среде ему придется продолжать свое дальнейшее путешествие. Но нет виновников его несчастья, он сам его творец. Каждое существо, сошедшее на Землю, оберегаемо так мужественно, как только могло чистое милосердие Владык карм пробить человеку путь среди созданных им самим себе препятствий и врагов.

Настало время человеку понять, в чем его сила и в чем его слабость. Можно быть слепым и не понимать вечности жизни и циклов ее в условиях всегда изменяющихся сообразно каждой цепи движения вечного. Но в себе необходимо сознать Любовь не только как чувственное действие или долг, но еще как жалость и как радость. Имеющий жалость и умеющий сострадать, не давая встречному чувствовать снисхождения и превосходства своего, уже раздул искру своего огня, и она не потухнет веки.

Сумевший действие своей жалости перелить в мужественную помощь смог запечатлеть образ свой в тех записях вечного, где нет конца достижениям и где подъем к совершенству может совершиться и без всяких «знаний».

Знание? О, сколько умствующих, чьими рефератами и статьями завалены полки, где их разъедает пыль, прошли из воплощения в воплощение, истратив энер-

гию жизни на сведенья, не давшие ни одному человеку радости. Через века и века вскрывается в них все та же жажда знания, недвигающая их с места. И милосердие Владык Карм ввергает их, наконец, или в круг страшных страданий, или в среду, где им прививают атеизм, и через атеизм они просыпаются к Истине.

Знание — даже знание истинное — оставляет многих без яркого движения вперед, ибо запутываются они в схоластике книжных изложений, не имея в себе двигающихся чакрам, огонь которых дал бы им зрение и слух, помог бы проверить Истину книг силою жизни Истины в себе.

Ученик, достигший теми или иными способами возможности беседовать с Учителем или еще более Высшим Сознанием, должен трудиться над своим вниманием и так воспитать его, чтобы верность внимания тому направлению, куда его, ученика, однажды привлекла озаренная гармония, была цельна.

Нет смысла гнаться за новыми и новыми потоками слов Учителя, если колебания, сомнения, отрицания одного в данной книге и принятие другого составляют весь смысл прочитанного и выливаются в страстную критику. Нет распознавания там, где есть такая критика. Ибо эта критика рождается не из огня мысли и сердца, слитых гармонично в спокойствии, но из страстей, в которые вплетено личное.

Только тогда сможет человек бдительно распознавать, в чем сила или слабость прочитанных им слов, если в его сердце не загорается мутное желание отбросить одно, как ему не пригодное, и принять другое, как ему подходящее.

Если он в себе не несет пристрастия, а только сознает, что в одни слова он проник творчески, другие же еще не смог пронизать своею любовью, то он на верном пути, единственном, где можно постичь Мудрость.

Переходы по ступеням ученичества никогда не бывают легкими. Но как бы они ни были трудны — свет в ученике должен гореть всегда ровно. Только при ровном свете, при отсутствии раздражения, можно двинуться в тот путь, где встреча с Учителем дает начало к движению в вечном.

Беседа • 4

Силы человека не нарастают от постоянно проводимой логики во всех внешних делах. Двойственность человека, имеющего маску для всех и в себе затаенное место, священное «для себя», не есть жизнь. Ибо жизнь есть гармоничное слияние мысли и сердца, а также их гармоничное действие вовне.

Путь утверждения в себе тех или иных сил необходим именно потому, что в своем храме огонь их усиливает все возможности действий в единении, — вот путь тех, кто хочет пронести в чистоте и честности свой труд дня.

Массы? Личность? Как найти свое место среди масс, которым в современную эпоху, как собирательной силе, принадлежит слово в действиях дня? Как раскрыть в себе так широко двери сознания, чтобы не путаться между индивидуально достигнутой и недоступной для масс высотой твоих действий, что ты обрел в огне твоей мудрости?

Если действия твоего творчества истинно рождены мудростью и гармонией, они доступны и понятны всей трудящейся массе твоей эпохи. Мало того, чем больше ты пережил высоких страстей, чем чаще ты достигал героического напряжения, тем роднее ты массам окружающих людей; ибо красота твоего гения влечет толпы за собой, как и всякое высокое сердце покоряет ближнего, если его красота перелита в мудрость действия.

Никто из истинно одаренных не имеет сомнений. Ибо верность таких людей своей идее равна самой силе их жизни.

Только тот, кто не отдал своему труду всего внимания, будет стоять в раздумье: «Кому нужен мой труд? Да и весь мой путь нужен ли и верен?» и т. д. Не имеет значения, сколько ты смог развить в себе дарований. Ибо все твои дарования — только тобою же привлеченное когда-то внимание к ним.

А важно то, как ты развивал свое внимание. Что ты имел в виду, его развивая. Все это не составляет программы дня, это составляет вечное приложение тобою сотканного покрывала, которым скрыты от тебя Золотые Врата освобождения.

Нет программ, которые были бы предписаны человеку, predeterminedены свыше. Есть его неизменное творчество, где невозможно обойти или миновать ни одного действия. Ибо все они идут по единственному закону создания Вселенной — Закону причин и следствий.

Дух есть материя, и жизнь этой материи идет по тому же Закону причин и следствий. Нет исключений из этого правила, есть только радость, которая может с быстротой молнии поглощать тысячи причин и рассыпать их прахом, и только ею одною можно побеждать в себе эгоизм, и только ею одною можно направить на верную тропу свое внимание в общении со встречным.

Если раздвоенность встречного, его мелкая мысль, его почти непонимание цельности, его приспособление к текущему дню ложью и условностью давят тебя, то ты мало умел поставить колонну своей соизмеримости между трудом Учителя и своим. Рассмейся весело и постигни слабость своих сил. И рост твоей силы будет прямо пропорционален твоему сознанию в себе первой основы встреч единения.